ПАВЛА ВУЛЬФ

Лучшая подруга Фаины Раневской

В старом и новом театре

Портрет Эпохи

Павла Вульф

Лучшая подруга Фаины Раневской. В старом и новом театре

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вульф П.

Лучшая подруга Фаины Раневской. В старом и новом театре / П. Вульф — «Издательство АСТ», 2016 — (Портрет Эпохи)

ISBN 978-5-17-095738-5

О Павле Вульф современники говорили, что она «большая актриса, с индивидуальным талантом, тонким художественным чутьем», предрекали ей яркое театральное будущее и каждую сыгранную ею роль называли шедевром. Ученица В. Комиссаржевской, она всегда старалась проникнуть в самую суть образа и естественно подать его, о чем блистательно написала в своей книге. Режиссеры давали ей главные роли в спектаклях, а зрители восторженно аплодировали. Одна из поклонниц П. Вульф пожелала учиться у нее актерскому мастерству и стала великой Раневской.Книга посвящена творческому пути артиста. Она рассказывает о людях русского провинциального и московского дореволюционного театра, а также о событиях той театральной действительности.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095738-5

© Вульф П., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Хрустальная женщина 5
Предисловие 8
Глава I 11
Глава II 17
Глава III 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Павла Леонтьевна Вульф
Лучшая подруга Фаины Раневской
В старом и новом театре
Воспоминания

Хрустальная женщина

Однажды Рома Виктюк, который отличался искрометными выходками, разными фокусами, сказал мне: «Маленькая моя, сегодня мы с тобой двигаем в библиотеку. Там на третьей полке с краю стоит одна книга. Ты ее сразу увидишь, даже искать ничего не надо!» Я похолодела.

Поездки «зайцем» на троллейбусе, прорывы в театр были цветочками, и ничего особо предосудительного я в этом не видела, но идея стащить книгу повергла меня в ужас. А Виктюк уже разработал план и сделал приготовления. Нужные книги он успел расставить так, чтобы их легко было взять.

Помимо книжки на третьей полке Рома подготовил пару томиков на второй и на четвертой. На самом деле стащить книги было не так уж сложно. В конце узкого прохода между стеллажами сидела библиотекарша. Если один человек закрывал ей обзор, другой мог спокойно тырить.

«Рома!» – возмутилась я. «Маленькая, такие книги здесь никому не нужны. Их никто не читает. И пропажу вряд ли кто заметит! В этом нет ничего плохого, поверь мне!» – «Рома!» И тут Виктюк привел последний аргумент: «Ну что ты заладила: Рома, Рома! Дробышева брала, и Терехова тоже. А тебе что-нибудь здесь нравится?»

Там была книга, которую мне так хотелось иметь! Воспоминания Павлы Леонтьевны Вульф. «Так что ж ты думаешь? – удивился Рома. – Иди и бери!»

И я сдалась. Взяла три книги для Виктюка и одну для себя, ту самую. Спустя годы, когда мы с Фаиной Георгиевной репетировали «Последнюю жертву», она мне рассказала, что у нее раньше была эта книга, но кто-то взял почитать и не отдал. «А у меня книги этой теперь нет…» Я подумала, что мне надо отдать ей мою. Но я промолчала. Слишком дорогой была для меня книга Павлы Леонтьевны. Во всех смыслах дорогой.

Когда в 1958 году я пришла в Театр им. Моссовета, Павла Леонтьевна в нем уже не работала. Но я постоянно слышала о ней. Ведь режиссером там работала ее дочь Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф.

Я часто задавала артистам вопрос: «А какая она была?» Мне отвечали: «Маленькая, худенькая, очень изящная женщина». Вот такой она мне все время и представляется. О ее внутренних качествах я могла судить по Ирине Сергеевне, которая обладала интеллигентностью, достоинством, уважением к человеку. А где она могла приобрести эти качества? Конечно, в своем доме, у мамы…

В книге воспоминаний Павла Вульф рассказала о своем становлении как актрисы. А вернее, о постижении нашего актерского мастерства. Она не боялась говорить откровенно и честно о своих ошибках, о том, как «разбивала нос», что была ходульная, неокрепшая, что у нее многое не получалось, но она работала и работала… В общем, описала те вещи, которые так знакомы каждому начинающему и даже не начинающему актеру, показала, что добиться настоящего проникновения в образ очень трудно. Гораздо легче настроить массу декораций, ввести

любые спецэффекты, сделать так, чтобы артисты пели, танцевали, маршировали, делали все что угодно, но только не пытались войти в душу своего героя. Потому что, как достичь этого вхождения, артист зачастую не знает. Она же, подробно разбирая роли Веры Комиссаржевской, их сценическое воплощение, и затем свои, выработала собственную систему, можно сказать «свою систему К. С. Станиславского», только от женского лица. Правда, во МХАТе она дважды отказалась играть, а когда сообразила, какую ошибку совершила, было уже поздно. Пришлось потом проходить ту «школу» самой. Станиславский свою систему, свой опыт адресовал и мужчине, и женщине. А Павла Леонтьевна только женщине. Женщина естественна, ее психика глубже и сложнее психики мужчины. На нее накладывается ноша материнства, воспитания ребенка… Поэтому она выносливее, приспособленнее, изощреннее. Сегодня она несправедливая, завтра святая. А будучи хорошей, она может совершать сомнительные поступки и т. д. У меня, например, так как я играю женщин, к этим ролям уже есть особый подход. Воплощение женского образа на сцене – моя профессия, где я завишу от самого образа героини и стараюсь выразить его, а не себя, в отличие от реальной жизни.

И что важно: Павла Вульф смогла дать не только интереснейший, глубочайший анализ ролей обожаемого учителя – Веры Комиссаржевской, но и передать свой восторг от игры великой актрисы. Это потрясающе, потому что если ты не умеешь восторгаться чужим талантом и чужим мастерством, ты никогда не достигнешь того уровня, которым ты восторгаешься. Юная Павла настолько была покорена Комиссаржевской и так искренне хотела научиться актерскому мастерству, что решилась написать ей. И прима Александринского театра по письму провинциальной девочки, по каким-то неуловимым запятым и придыханиям, оборотам речи почувствовала, что та по-настоящему хочет быть актрисой, и ответила ей: приходите ко мне, когда будете в Петербурге. А вот письмо ее матери, в котором та просила отговорить дочь от сцены, оставила без внимания, оно ей было неинтересно.

Говоря о становлении Павлы Леонтьевны, нужно обязательно учесть, в какой среде она росла. А все началось с бабушки, с ее сестры, с самого дома в Порхове, с атмосферы любви. Очень важно, что маленькому человеку, ребенку, с самого детства была дана любовь. В своих первых домашних спектаклях девочка выступала перед родными и прислугой экономкой, дворником, которые с неподдельным интересом слушали, смотрели и радовались; не было ни зависти, ни ненависти. И то, что бабушка обязательно, хотя жили небогато, устраивала детям праздники – Рождество, Пасху, именины, – это, конечно, замечательно…

В их доме было много книг, и Павла постоянно читала. Это очень важно для нашей профессии. Любое чтение на бумаге (про Интернет не говорю, потому что не владею им) помогает воображению человека, у него рождаются образы. А это мостик к нашему актерскому мастерству. Без воображения артиста быть не может. Он тогда становится плоским, неинтересным.

А потом были годы учения, и Павла Леонтьевна попала на курс режиссера В. Н. Давыдова, который редко приходил на занятия. Когда же приходил, то засыпал. Потом вдруг просыпался и показывал, как Джульетта любит Ромео, или брал гитару и пел. Именно этот живой пример обучал юные существа мастерству, а не нудные лекции с рассказом о том, как надо играть. О том же самом говорила Павле Вульф и Комиссаржевская, когда они познакомились: учить не умею, приходите на мои спектакли. В принципе, научить вообще сложно. У будущего артиста должно быть наитие, глубокое внутреннее ощущение и готовность к самоотречению во имя искусства.

После окончания драматических курсов Павла Леонтьевна много играла на провинциальных сценах. Надо сказать, что я сама всегда завидовала провинциальным актерам, которые имеют возможность часто выходить на сцену, к зрителю. Ведь только зритель дает почувствовать актеру, фальшивит он в своей игре или нет, в десятку идет или мимо. И артист всегда ощущает, слушает его зритель или нет. И если артист недобирает, значит ему нужно продол-

жать работать над ролью, над образом. Он должен снова открывать авторский текст и искать в нем что-то новое, не замеченное ранее. По сути, это бесконечная работа…

Поэтому Павла Вульф так подробно и представляет роли своих героинь и героинь Комиссаржевской – за ними ведь годы и годы работы. Даже сделанная роль все время шлифуется, все время как-то меняется. И на сцене актриса потом проживает ее, не играет.

Конечно, настолько детальное описание передачи чувств и переживаний удивляет. Павла Вульф упоминает, что вела дневниковые записи. Но на самом деле они не помогут, если сам не заставишь свое существо поверить и погрузиться в то, что хочешь показать, или в то, чего от тебя требует текст автора.

Кстати, история вхождения Павлы Вульф в театральную среду в некотором роде повторилась. Как когда-то она пришла к Комиссаржевской, восторгаясь ее ролью в спектакле «Бой бабочек», так и в жизнь самой Вульф позднее вошла девушка, покоренная ее ролью Раневской в «Вишневом саде». (К слову сказать, Вульф была лучшей Раневской тех лет, она играла лучше мхатовских актрис, ее прочтение роли было изумительным.) Девушкой той была Фаина Фельдман, дочь банкира из Таганрога. Когда началась революция, ее отец со всей семьей уехал за границу. Она отказалась («Бежать, когда в России революция!» – пафосно воскликнула она) и осталась на родине ради театра, ее карьера в нем только начиналась. И вот эту девушку Павла Вульф стала учить и сделала ее настоящей актрисой, с которой не расставалась до конца своих дней. Фаина Георгиевна взяла себе псевдоним – фамилию сценической героини своего обожаемого педагога. Ф. Раневская смотрела на П. Вульф и на сцене, и в жизни. В голове она «записывала» любой ее жест, поворот головы, любую интонацию. Она буквально прилипла к Павле Леонтьевне. Вместе с ней ездила по всем провинциальным театрам и потом поселилась поблизости от ее дома в Москве…

Вообще, когда я думаю о Павле Леонтьевне, она ассоциируется у меня с образом хрустальной женщины. Конечно, у нее, как у любого человека, были свои «за» и «против», плюсы и минусы, но вот хрустальная она, и всё. Она была очень добра, от нее шел необыкновенный свет, внутренняя отдача, полная открытость миру и людям, что чувствуется по ее книге. Это передалось и Ирине Сергеевне. Я только во второй половине жизни пришла к выводу, что лучше отдать, чем взять, только тогда ты по-настоящему становишься богаче.

Сама книга Вульф – это не биография человека в том виде, в каком мы привыкли видеть такого рода издания. Читатель не найдет здесь практически ничего личного: автор даже не называет имен своих родителей, не пишет о своих супругах, вскользь упоминает дочь. Но эту частную сторону своей жизни она сознательно уводит в тень. Главным для нее на склоне лет, когда и писалась книга, было вспомнить и вновь пройти свой путь актрисы, вновь пережить победы и поражения, искренне рассказать, как она рождалась в своей профессии. Этим ее рассказ и подкупает. Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф говорила, что режиссер тратит тонны слов, и лишь одно вдруг «пробивает» артиста, и он начинает искриться. Так вот книга Павлы Вульф способна «пробить» даже далеких от этой профессии людей. Об артистах же и говорить нечего – им просто необходимо прочесть ее.

Валентина Талызина, народная артистка РСФСР

Предисловие

Эти мемуары написаны замечательной русской актрисой, замечательной советской актрисой Павлой Леонтьевной Вульф.

В моей памяти хранится первое впечатление о ней, о ее игре, о ее сценическом облике, хрупком, поэтическом.

Это было очень давно. Я тогда был совсем молодым, но образ чистой, женственной, чуть лукавой Психеи (в спектакле «Эрос и Психея» в постановке Незлобина в Москве) живет в моей памяти до сих пор.

Те, кто помнит Павлу Леонтьевну молодой, рассказывают о ней как об актрисе огромного сценического обаяния, своеобразной тонкой лирики, какой-то удивительной прозрачности и чистоты, умного мастерства.

Прошло много лет после моих первых впечатлений, и я встретился с Павлой Леонтьевной Вульф в тот период, когда она стала актрисой характерной, когда ею уже был совершен «переход», такой обычно трудный и для хорошей актрисы, а для иных – гибельный.

Этот «переход» для Павлы Леонтьевны оказался экзаменом на настоящее актерское мастерство, который она выдержала с блеском.

В свои зрелые годы Павла Леонтьевна Вульф стала актрисой, чье творчество с поразительным многообразием, глубиной и талантом способно было решать самые сложные сценические задачи. Она создала целую серию изумительных по мастерству, наполненности, артистической отделке сценических образов.

И, конечно, мне подробнее хочется рассказать о тех ролях, которые она сыграла в тот период, когда маленький московский Театр п/р Завадского перебрался в Ростов, на гигантскую сцену самого большого театра нашей страны. Тогда небольшая труппа молодого театра пополнилась многими превосходными актерами ростовского театра и рядом актеров-москвичей; среди этого талантливого пополнения одной из самых ярких, поражающей своим умным мастерством, несомненно, была Павла Леонтьевна Вульф.

Павла Леонтьевна была не только замечательной актрисой, то есть человеком, обладающим большим сценическим даром, она была настоящей артисткой, то есть художником, умеющим это свое актерское дарование подчинить себе.

Вот несколько ее ролей.

Хлестова – «Горе от ума». Как сумела Павла Леонтьевна выявить этот московский аристократизм старухи Хлестовой, ее безапелляционность. С каким подлинным аристократическим барством и нарочито грубоватым изяществом двигалась она и произносила грибоедовский чеканный текст.

В каждой роли Павла Леонтьевна была индивидуальна, в каждой роли это была она, но в ней всегда появлялись новые качества, которых подчас мы не могли предвидеть.

Скажем: откуда в ней взялась властность Хлестовой, в ней – такой хрупкой, скромной, всегда в себе неуверенной?

Жена профессора Полежаева – «Беспокойная старость». Этот образ был, может быть, ближе Павле Леонтьевне по индивидуальным качествам характера. Она сумела найти в этом образе ту беспримерную преданность любимому человеку, другу жизни, великому ученому, которая не воспринималась как подвиг, столько в ней было простоты и подлинной безотчетной скромности.

А рядом с Полежаевой – Полина Бардина из «Врагов» Горького. Это один из лучших образов спектакля, над которым мы с огромным увлечением работали в Ростове, – настоящая потомственная горьковская барыня, с ее кичливостью, вздорной глупостью, с капризами изба-

лованной, ограниченной дамы, которая считает рабочих существами низшего порядка. И все это без всякого подчеркивания, без нажима, естественно, просто, легко.

В пьесе Леонида Андреева «Дни нашей жизни» Павла Леонтьевна создала всех поразивший своей разоблачающей силой образ гнусной старухи, бесстыдно торгующей своей дочерью. Откуда нашла она эти краски, где подсмотрела эти характерные жесты, как нашла повадки этой твари, хитрой, крысоподобной сводни? Бегающие глаза, противная приторность речи, мелкие ужимки воришки; и сквозь эту оболочку – подлая душонка, пакостное мелкое существо.

И как венец ее достижений – образ матери, как бы в противовес вышеупомянутым образам, – в гусевской «Славе», роль Мотыльковой.

Павла Леонтьевна в этой роли раскрылась с такой поразительной силой, с такой полнотой душевной чистоты!.. Она создала образ прекрасной русской женщины, по-настоящему народный образ матери. Как великолепно читала она стихи! Это была настоящая русская речь.

Вот отзыв критика Ю. Юзовского в статье «Поездка в Ростов» («Советское искусство», 1936) о П. Л. Вульф в роли Мотыльковой.

> «Особенно хочется отметить П. Л. Вульф в роли Мотыльковой. Она героиня этого спектакля, – можно было бы даже назвать пьесу – „Мать“, с большим основанием, чем „Слава“. Есть у Мотыльковой монолог, в котором она говорит, что в случае войны она первая пошлет своих сыновей в бой, на защиту Родины. На сцене этот монолог звучит часто довольно фальшиво, как риторика, как декламация, потому что произносит их сама актриса вне образа, не зная, как оправдать этот монолог чувством материнства, которое в своем примитивном выражении, может быть, и сопротивляется желанию послать сына на войну. У П. Л. Вульф это место поразительно правдиво, и вот почему. Она любит в своих сыновьях не только детей, рожденных ею, свою плоть и кровь, она любит их дела, которым они себя посвятили. Но эти дела – дела Родины, успех их дел есть успех Родины, и наоборот. Нападение на Родину это есть нападение на ее детей. Свое материнское чувство через сыновей она распространяет на всю страну, на отечество социализма.
>
> Этим высоким чувством материнства продиктован ее чудесный монолог, встречаемый бурной овацией всего зала, к которому она обращается».

Маленькая хрупкая женщина огромной душевной прелести, старая женщина, которую хотелось взять на руки и оградить, она в сердце своем несла волю, героизм, твердость, гордость и веру в народ, в дело, которому он служит, великую гордость за свою страну.

Каждую роль, сыгранную Павлой Леонтьевной Вульф, без преувеличения можно назвать шедевром.

Для молодого поколения артистов, да, пожалуй, и ее сверстников, вернее, всех тех, для кого искусство актера есть не только субъективное радостное переживание, а ответственное, трудное и – в этом трудном – прекрасное дело жизни, творчество Павлы Леонтьевны Вульф – великолепный пример, образный урок.

Конечно, жаль, что никакое описание не восстановит живого облика актрисы, ее филигранного искусства.

Но вот мы смотрим на ее выразительное фото. Возможно, удастся собрать гораздо более подробные и точные материалы об исполнении ею отдельных ролей. А главное – есть вот эта книга воспоминаний, раздумий художника. Да, Павла Леонтьевна больше рассказала о других, чем о себе, но в этих рассказах сквозит ее ум, в них угадывается ее талант артистки.

Не преувеличу, если скажу, что книга Павлы Леонтьевны – интереснейший документ, получивший силу произведения искусства, способного рассказать нам о делах и людях рус-

ского провинциального и московского дореволюционного театра и об интереснейших событиях и людях первых лет новой советской театральной действительности.

Юрий Завадский

Глава I

Детство. Мой отец и тетя Саша. Первое выступление на сцене. Игра в концертные выступления. Бабушка. Переезд в Псков. Летние поездки в Порхов. Детские спектакли

Отец мой был юрьевским студентом[1], когда женился на моей матери, помещице Псковской губернии, и поселился в ее имении, полученном в приданое от бабушки. Еще до моего рождения имение было продано и родители мои переехали в город Порхов Псковской губернии, где у матери был дом. Жили на капитал, полученный от продажи имения, и постепенно разорялись. В Пскове, куда вскоре родители переехали из Порхова, отец пробовал служить, но болезнь обрекла его на бездействие. Он страдал неизлечимой болезнью и мог передвигаться только в кресле на колесах. С нечеловеческим терпением переносил он свои страдания, свою безрадостную жизнь. Он никогда не жаловался и в те немногие часы, когда ему делалось лучше, шутил. Отец никогда не наказывал нас, не повышал голоса, он только огорчался, и это было страшнее наказания.

В силу своей болезни отец мало и редко общался с людьми и вел одинокую жизнь. Связь с миром он поддерживал чтением, – я не помню его без книги или газеты. Он знал несколько языков, выписывал русские и иностранные журналы. Помню, за несколько дней до смерти он читал по-французски «Тартарена из Тараскона» и жаловался:

– Подумайте, стал забывать некоторые французские слова, должен пользоваться диксионером, вот завел тетрадочку, записываю и учу забытые слова.

Отец не выносил, когда мы играли на рояле, но музыку настоящую, серьезную любил и понимал ее. В юности он играл на скрипке, но, когда заболел, перестал играть.

Как-то раз зимой, в сумерки, мы с сестрой, будучи уже гимназистками, сидели в нашей комнате и о чем-то шептались. Вдруг слышим звуки скрипки – это было так странно, неожиданно. «Папа играет! Молчи!» – сказала сестра. Вдруг звуки оборвались, скрипка замолкла. Я побежала в комнату отца. Он сидел в своем кресле, опустив скрипку, и тихо плакал. Это было незадолго до его смерти.

Вспоминая прошлое, я не могу обойти молчанием самого дорогого мне человека, сестру моей матери, любимую тетю Сашу, имевшую большое влияние на меня.

Моя мать и тетя Саша получили образование «чисто домашнее». Гувернантка обучала их всему, что, по мнению бабушки, было нужно знать: болтать по-французски и играть на рояле. Когда тете Саше исполнилось 17 лет, бабушка нашла подходящую партию, выдала ее замуж. Через три месяца после свадьбы она разошлась с мужем, землю, полученную в приданое от матери, отдала крестьянам, уехала в Петербург учиться и блестяще выдержала экзамены экстерном. Страстно любя музыку и обладая недюжинными способностями, она поступила в консерваторию, но, пробыв там около трех лет, бросила занятия, потому что начала принимать активное участие в революционном движении.

С самого раннего детства мы обожали тетю Сашу. Присутствие ее в нашем доме всегда вносило оживление, она умела всех расшевелить. В дни нашей юности тетка для нас была непререкаемым авторитетом. Ее страстное отношение к людям, к жизни, ее неистребимое стремление к свободе действовали облагораживающе на наши юные души. Люди вызывали в

---

[1] Леонтий Карлович Вульф был сыном обрусевшего немецкого барона Карла Ивановича Вульфа. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. А. В. Щеглова.*

ней громадный интерес: куда бы ни забрасывала ее судьба, в какую бы глушь ни высылала ее царская жандармерия, она везде обнаруживала интересных и хороших людей.

Бегая по грошовым урокам, она находила время по три часа ежедневно сидеть за роялем, играть гаммы, упражнения и своих любимых Листа и Бетховена. Ведя полуголодное существование, она бесплатно готовила талантливых молодых музыкантов в консерваторию и была счастлива, когда ее ученики блестяще выдерживали вступительные экзамены.

Что касается ее революционной деятельности, то я слышала, что она устраивала тайные рабочие собрания, говорила речи, за что часто сидела в тюрьме и не раз подвергалась ссылке. Моя мать и особенно бабушка расценивали ее деятельность как блажь. Бабушка обычно говорила о тете Саше: «Забавляется баба – блажит, а нам, да и всему дворянскому сословию, позор».

Когда мы подросли, наша дружба с теткой окрепла. Тетка вызвала в нас страстный интерес к книгам и руководила нашим чтением, объясняла нам то, чего мы не понимали, обращала наше внимание на художественную сторону произведения, вскрывала его идейную сущность. Почти всю русскую классику мы перечитали вместе с ней. Достоевский, Толстой, Тургенев, Салтыков-Щедрин сделались нашими любимыми писателями.

В памяти возникают некоторые эпизоды моей ранней детской жизни в Порхове. Большой деревянный дом с громадным садом. В саду много вишневых деревьев, яблонь. Наш любимый уголок сада – беседка из лип, где мы играли вдали от взрослых. Зимой наша жизнь протекала с няней в двух детских комнатах. Нам, детям, не возбранялось ходить и бегать по всем комнатам, но мы себя чувствовали свободно только в детской. Большой зал, где был рояль и по стенам стояли стулья, казался чужим. А в гостиную входить из зала было даже немножко жутко: там всегда было холодно и неуютно. В детской же – светло, много солнца, и мы жили в ней своей обособленной жизнью.

Взрослые к нам в детскую редко заглядывали, только в тех случаях, когда няне не удавалось справиться с упрямством и капризами детей. Тогда приходила мама наводить порядок. Шум и крики, потасовка моментально прекращались. Няня наконец изобрела очень интересный прием «укрощения строптивой»: в разгар моих капризов она начинала петь одну из моих любимых песен, я немедленно замолкала, усаживалась на скамеечку у ее ног и принималась ей подпевать. Слух у меня был исключительный, и я знала все ее песни.

Когда к моим родителям приходили гости, меня заставляли петь. Ничуть не смущаясь, сложив руки на животе, я, как заправская певица, пела во весь голос нянины песни: «По всей деревне Катенька красавицей была», «Не брани меня, родная» и другие.

Необычайно ярко сохранилось в памяти мое первое «выступление» на сцене, когда мне было около пяти лет. В Порхове был кружок любителей драматического искусства. В пьесе «Бабье дело» моя сестра Нина[2] изображала мальчика лет семи, а я – капризную, упрямую маленькую девочку. Роль моя была без слов и заключалась в неистовом, капризном крике. Чтобы я не испугалась, когда раскапризившуюся девочку для расправы тянули к отцу через всю сцену, моя няня изображала няньку по пьесе.

Помню все свои ощущения на сцене – радостный восторг, как от самой занимательной игры. Я упрямо упиралась, когда няня тащила меня, ревела и кричала во всю силу моих легких. Свободной рукой я терла кулачком прищуренные глаза и видела блеск рампы. Мой крик покрывал смех публики, но я все же его слышала и чувствовала, что это относится ко мне, и это было мне приятно. Я уверена, что этот момент определил мою судьбу. После этого спектакля, когда взрослые спрашивали меня, кем ты будешь, когда вырастешь, я всегда отвечала «аткрысой».

[2] Настоящее имя Анна, но в семье звали так. Выйдя замуж, имела двух дочерей – Татьяну и Наталью.

Как-то раз в детскую пришла мама со своей приятельницей, талантливой любительницей драматического кружка. Поздоровавшись со мной, она села рядом и начала расспрашивать меня о жизни и здоровье моих кукол. Я охотно отвечала. Но вот она заговорила о театре, о том, что она скоро будет играть роль и ей нужна кукла, и куклу эту по роли она должна разбить. Я жадно, с интересом слушала, но когда она стала просить у меня куклу, я в испуге схватила любимую Долли и, прижав ее к себе, ни за что не соглашалась отдать. Для меня моя Долли была живым существом. «Это надо для театра», – убеждала меня мамина приятельница. «Не дам, не дам», – плача, твердила я. Но когда я услышала фразу: «Какая же ты актриса? Никогда ты не будешь актрисой, раз ты жалеешь куклу для театра», – я перестала плакать и после некоторого колебания протянула ей куклу.

Над этой первой жертвой театру я пролила немало слез. В то время в Порхове найти хорошую куклу было затруднительно, а ехать в Псков на лошадях далеко. Я любила играть в куклы, но самой заветной моей игрой была игра в театр, вернее в концертные выступления. Еще днем, узнав, что мама с папой вечером собираются в клуб или к знакомым, я начинала волноваться и готовиться к предстоящему выступлению. Все делалось втайне от родителей. С нетерпением ждала я их отъезда. «А вдруг что-нибудь помешает, и они останутся дома, а нас погонят спать», – с волнением думала я.

Наконец-то вечер. Лошади у крыльца. Сейчас уедут. В детской я торопливо расставляю стулья для публики, придвигаю стол, – зрительный зал и сцена готовы. Я лечу вниз, в кухню, в людские, собираю публику. Кухарка, прачка, горничная, кучер охотно рассаживаются на приготовленных стульях. Я влезаю на стол, пою нянины песни, декламирую стихи, танцую казачка. Благодарные зрители смеются, аплодируют, а я с полным сознанием заслуженного успеха раскланиваюсь. Наконец няня стаскивает со стола утомленную успехом «аткрысу» и укладывает спать, невзирая на сопротивление и слезы.

С любовью вспоминаю я бабушку Татьяну Васильевну. Вскоре после моего рождения бабушка продала имение «Бельково» и переехала в Порхов, в свой маленький уютный дом на набережной реки Шелони. Каждое воскресенье нас троих – сестру, брата и меня – возили к бабушке. Несмотря на то, что бабушка жила совсем близко от нашего дома, летом запрягалась коляска, а зимой сани, и нас, закутанных с головой в плед и платки, торжественно доставляли к бабушке. Сани останавливаются у крыльца. Чьи-то сильные руки вытаскивают нас по очереди из саней, высоко поднимают и несут – это Андрей Павлович, Андреюшка, самое доверенное лицо бабушки, он и повар, и кучер, и садовник. В прихожей мы не можем двинуться до тех пор, пока Авдотья Васильевна (Дуняша – бабушкина домоправительница) не разденет нас. Мы радостно бежим к бабушке в гостиную, где она сидит в большом вольтеровском кресле у окна и вышивает гарусом. «Скорее накормите детей», – распоряжается бабушка.

С большой нежностью вспоминаю я Дуняшу и Андрея. Это были преданнейшие бабушке люди, безгранично ее любившие. Когда-то они были ее крепостными. В числе других они были даны бабушке в приданое. Когда бабушка вынесла им «вольную», они обиделись и отказались принять ее. Оба были уже стариками.

Дуняша тихая, спокойная, немного суровая, редко улыбалась, никогда не ласкала нас, но мы чувствовали ее любовь. Мою старшую сестру Нину она боготворила: первый распустившийся нарцисс в саду, первую ягодку приносила она своей любимице, кроткой, нежной Нинуше. Андрей был красивый старик громадного роста. Дуняша и Андрей управляли домом бабушки, и она ни во что не вмешивалась, доверяя им вполне. Дуняша распоряжалась всем в комнатах, Андреюшка – в кухне, мастерски приготовляя разные кушанья, и в саду, выращивая чудесные сорта яблок, и в конюшне, где стояли две старые, толстые, разжиревшие без движения лошади Орел и Голубь. Они тихо доживали свою жизнь. Зимой их никогда не тревожили, не требовали от них работы, и они могли спокойно предаваться воспоминаниям о своей моло-

дости, о том далеком прошлом, когда «были они рысаками»… Летом раза два-три бабушка приказывала запрягать лошадей, чтобы прокатиться в лес с детьми.

Мы обожали наши воскресные визиты к бабушке. Она умела занять нас, придумывала для нас разные интересные игры, создавала уютную атмосферу. Иногда она нам читала или рассказывала небылицы, и мы, замирая, слушали их. Она рассказывала не сказки, а именно небылицы, якобы случай из собственной жизни. Мы это знали, но интерес от этого только возрастал. Наше жадное внимание вдохновляло ее, и она рассказывала с такой убедительностью, что сама верила в свои выдумки. Чаще всего рассказы ее были нравоучительного характера.

Когда мы стали постарше, она решила предохранить нас от влияния тети Саши. Чтобы революционные идеи не повлияли на нас, бабушка рассказывала нам ужасы, перенесенные тетей Сашей в тюрьме, в ссылке, а главное, о том позоре, который она сама пережила, когда ее как мать революционерки вызвали в III отделение и там высекли. Рассказывая это, она искренне верила, что так и было в действительности. Мне кажется, что в потенции бабушка была актрисой. Неосуществленное призвание к сцене искало выхода, и она разыгрывала целые сцены в домашней обстановке.

Мама, вспоминая свое детство, говорила нам, что через год после того как бабушка овдовела, она, собрав родственников, читала им письма от своего никогда не существовавшего жениха и просила совета у родных – выходить ей замуж или нет. Письма эти, написанные с большой страстью, сочиняла она сама. Жажда эффекта, театральности в – ней была необычайная. Помню, как в прощеное воскресенье (последний день масленицы) она надевала на голову скромный черный платочек, подвязывала его под подбородком и в черном монашеском платье ходила по всему дому, заходила в кухню, в дворницкую, низко кланялась и говорила смиренно: «Простите меня грешную». Она любила патетически произносить целые монологи, искусно падала в обморок, притворялась больной, будучи в полном здравии.

Весь день у бабушки был строго распределен. После обеда она усаживалась в свое кресло и начинала дремать, а мы убегали к Дуняше, в ее уютную комнату с лежанкой, или к Андреюшке в кухню. Когда наступали сумерки, в кухне начиналось веселье – бал. Появлялся Лешка. Он был чем-то вроде дворника у бабушки. Был он горький пьяница, но бабушка терпела его, так как это был тайный плод любви Дуняши и Андрея и великое их несчастье. Пьянство Лешки – единственное, что омрачало безмятежные дни Андрея и Дуняши. Лето и зиму Лешка жил где-то в сарайчике во дворе.

Детство! Чудесная пора! Немало огорчений, остро переживаемых, бывает и в детстве, но радостное восприятие жизни, через край бьющая энергия, ощущение безудержного веселья только от того, что существуешь, быстро снимают всякое огорчение. Но я помню чувство настоящего горя, когда нас оторвали от любимой бабушки, от родных мест и повезли в Псков учиться. В то время железная дорога проходила в 60 верстах от Порхова, и мы ездили на лошадях до железнодорожной станции Новоселье. В громадном дормезе ехала вся наша семья, а сзади на тарантасе ехали «люди» – няньки, горничные, кухарка. Почти всю дорогу я и сестра безутешно плакали. Но вот и Псков со старинными соборами, древней крепостью и чудесной рекой Великой. Новые впечатления несколько заглушили горечь разлуки с милым Порховом, но все же тянуло домой, к бабушке.

Каждое лето мы всей семьей возвращались в Порхов. Какое это было счастливое путешествие! Незабываемые минуты восторга, волнений, когда подъезжаешь к родным местам. «Не вертись, сиди смирно», – говорит мама. На минуту замираешь, а сердце колотится, и нетерпение растет. Мамин дом в Порхове был уже продан, и мы все ютились у бабушки. Бабушкин дом переполнен. Нарушен бабушкин размеренный ритм жизни, но бабушка радуется нашему вторжению.

Во время нашего летнего пребывания в Порхове у бабушки, по инициативе тети Саши, устраивались детские спектакли. Самые ответственные роли в пьесах поручали мне, хотя я

была самая младшая в нашей детской труппе. Премьерство я завоевала чисто случайно: заболела девочка, игравшая героиню пьесы, и меня заставили репетировать за нее. Замена оказалась настолько удачной, что в дальнейшем все роли «героинь» перешли ко мне. Спектакли наши обставлялись чрезвычайно просто, незатейливо, вернее, никак не обставлялись. Бабушкина гостиная превращалась в сцену, а в столовой сидела публика. Открывалась дверь из столовой в гостиную, и начинался спектакль. Несколько наших детских спектаклей сохранилось у меня в памяти.

К своим ролям я относилась с большой серьезностью, чувствовала ответственность за успех спектакля. Как я страдала за всякий промах на сцене! Помню, шла пьеса «Из-за стакана молока». Брат Володя[3], игравший мою тетку, выскочив на сцену раньше времени, испугался, убежал за кулисы и начал снимать юбку, говоря:

– Не пойду больше, не буду играть.

Я, стоя на выходе, умоляла его, обещала выхлопотать у мамы денег на покупку жеребенка (предмет его мечтаний), зловещим шепотом грозила маминими репрессиями, – ничего не помогало. Наконец, обозлившись, я вытолкнула его на сцену. Запутавшись в длинной маминой юбке, он растянулся на полу, чем вызвал одобрительный смех зрительного зала.

Мои партнеры, особенно брат Володя, часто нарушали стройность спектакля и приводили меня в отчаяние. Шел у нас инсценированный «Бежин луг» Тургенева. Играли мы во дворе, под открытым небом. Был разведен костер, и мы сидели вокруг костра. Публика расположилась поблизости. Я играла задумчивого мальчика Костю, который рассказывает о русалках, а брат Володя – того мальчика, который лежит, зарывшись в рогожу. Володя опять подвел. Когда настала его реплика, он так крепко заснул, что я его разбудить не могла.

Образец находчивости и медвежьей услуги партнеру проявила я в маленькой французской пьеске, которую мы с сестрой разыгрывали в той же бабушкиной гостиной. Сестра Нина играла принца, заехавшего с охоты в хижину лесника, а я – дочь лесника. По ходу пьесы расхваставшийся принц показывает искусство стрельбы, сбивая пробку с бутылки. На репетиции Нине удавался этот трюк, но на спектакле после Нининого выстрела из детского игрушечного ружья пробка спокойно осталась стоять на своем месте. Чтобы спасти положение и выручить партнера, я щелчком сбросила пробку. Нина, забыв, что она французский принц, по-русски закричала: «Что ты делаешь, дура?» Я не осталась в долгу, и началась перебранка. Дверь в столовую закрыли, спектакль был сорван. Я тяжело переживала провал спектакля.

Иногда вместо спектакля объявлялось мое выступление как чтицы в «Братьях разбойниках» Пушкина. Я надевала Володины штанишки-шаровары и его шелковую красную рубашку-косоворотку. Усевшись по-турецки на полу в позе удрученного воспоминаниями о погибшем брате-разбойнике, я с увлечением декламировала.

Я не выносила, когда меня заставляли декламировать экспромтом, без костюма, без нужной обстановки. Я жаждала испытать радостное волнение и чувство отрешенности от себя, перевоплощаясь в разбойника. Конечно, я тогда не допускала мысли, что взрослым просто занятно видеть семилетнюю девочку, серьезно воображавшую себя разбойником.

Вспоминается мне еще один спектакль (когда мне было уже около 14 лет). Мы гостили в имении наших родственников, около Порхова. В день маминых именин, 11 июля, было решено устроить спектакль и живые картины. В громадном двухсветном зале помещичьего дома, была устроена настоящая сцена. Шли пьеса В. Крылова «Сорванец», где играли взрослые во главе с общепризнанной талантливой любительницей псковского драматического кружка, и маленькая одноактная пьеска «Бабушка и внучка». Я играла внучку. Мне очень нравилась роль. Дочь богатых помещиков, желая подшутить над своей старой бабушкой, переодевается в девочку-крестьянку и настолько искусно изображает ее, что бабушка не узнает своей внучки. С каким

[3] В юности закончил ветеринарную академию и всю жизнь проработал ветеринаром.

трепетом готовилась я к роли, ходила в деревню, знакомилась с деревенскими девочками, запоминала их манеры и речь. Они меня учили петь частушки, и я их пела, играя внучку.

На спектакль съехалась масса знакомых со всего уезда. Мой труд, моя увлеченность ролью не пропали даром и принесли успех. Мое исполнение было неожиданностью для всех. Когда я вышла в зал после спектакля, на меня смотрели с какой-то особенной лаской и одобрением. У меня радостно билось сердце, и я решила: буду актрисой непременно. Играть на сцене – это не сравнимое ни с чем счастье.

Глава II

Гимназия. Пробные уроки в 8-м классе. На каникулах в Петербурге. Театральные впечатления. Стремление стать актрисой. Поездка в Петербург. Спектакль «Бой бабочек». Знакомство с В. Ф. Комиссаржевской. «Чайка» в Александрийском театре. Возвращение в Псков

Кончалось лето, кончались летние радости. С приездом в Псков начинались «муки от науки». Иначе как мукой нельзя назвать наши занятия в гимназии. Вся система преподавания сводилась к зубрежке. Хорошая память выручала. Обладательница хорошей памяти считалась хорошей ученицей.

Никто из преподавателей не задавался целью пробудить духовную жизнь учащегося, вызвать интерес и жадность к знанию, развить его ум. Даже такие живые, интересные предметы, как история и литература, преподавались в такой скучной форме, что не вызывали ни страсти к чтению великих произведений, ни жажды проникнуть в прошлую жизнь народов. Учебники Иловайского по истории и Галахова по истории русской словесности – вот откуда черпали мы наши познания по этим предметам. От нас требовалось точное, слово в слово, заучивание по книгам страниц учебника. А экзамены… Какое это было мучение! Ночами, бывало, клюешь носом над учебниками, силясь зазубрить. Утром в день экзамена встаешь с больной, распухшей головой, и кажется, что все вылетело из головы, – ничего не знаешь.

Ничем хорошим не могу вспомнить гимназические годы. Впрочем, нет. Я с удовольствием вспоминаю так называемые пробные уроки. Каждая ученица 8-го педагогического класса должна была давать уроки по арифметике и русскому языку в 1-м классе. Это было нечто вроде дипломной работы учениц 8-го класса на звание домашней наставницы. Все обставлялось чрезвычайно торжественно. Ученица 8-го класса в роли учительницы входила в 1-й класс. Малыши приветствовали ее вставанием с парт. Начинался урок. Я любила давать пробные уроки, успешно их проводила и получала за них пятерки. Непонятным для меня способом я заставляла класс внимательно, с интересом себя слушать, создавала бодрое, веселое настроение, была находчива, когда получала нелепые ответы учащихся. С нетерпением мы всегда ждали рождественских и пасхальных каникул, которые проводили обычно в Петербурге. Какое счастье хоть на время вырваться из гимназии!

Чудесный Петербург! Какое наслаждение ходить по его улицам, – не то что скучный провинциальный Псков! А театры: Мариинский, Александрийский! А «Эрмитаж», а картинная галерея – «Музей Александра III»! Все, все надо осмотреть, везде побывать, с жадностью думала я, стоя у окна в поезде, который мчал нас в Петербург.

Страсть к чтению, вызванная тетей Сашей, не остывала. Жадный ум требовал пищи. Днем гимназия, вечером надо уроки готовить, – читать некогда, но мы с сестрой умудрялись читать ночью при лампадке. Жечь свечу или лампу, после того как были приготовлены уроки, нам строго воспрещалось. Мама, перекрестив нас на ночь, уходила к себе в спальню. Мы выжидали, когда все стихнет в доме, соскакивали с кроватей и становились с книгами около лампадки, освещавшей не только громадный образ Христа, стоявший на треугольном шкафике из красного дерева, но и страницы «Обрыва» Гончарова, «Отцов и детей» и «Накануне» Тургенева. Жизнь каждой героини прочитанного мной романа я переживала, воображая себя то Татьяной Лариной, то Наташей Ростовой, то Верой в «Обрыве». По натуре жизнерадостная, я воспитывала в себе лирические настроения. Быть печальной так прекрасно, думала я, и пред-

ставляла себя никем не понятой, никем не оцененной, избранной натурой, разочарованной жизнью.

Когда мне исполнилось 15 лет, нас постигло большое горе – умер отец. Несмотря на то, что отец занимал очень скромное место в семье, жил незаметной, обособленной жизнью, – с его смертью образовалась пустота. Внешне наша жизнь мало изменилась, но нити, связывавшие нас друг с другом, как-то сразу порвались, и семья распалась.

В связи со смертью отца и предстоящей свадьбой сестры и ее отъездом из Пскова меня охватили чувство одиночества и ужас перед предстоящей жизнью «барышни», ожидающей жениха, и я решила бесповоротно и твердо – уехать в Петербург учиться и стать актрисой. О своем решении я открылась только сестре Нине. Лишь она, мой единственный, светлый друг, была достойна узнать мою «великую тайну». Она одобрила мое решение, но взяла с меня слово, что я окончу гимназию. Целыми ночами мы шептались, горячо мечтая о прекрасной, полной значения жизни, которая меня ждет, но как, каким путем сделаться актрисой, ни я, ни сестра не знали. О существовании драматических школ я не имела понятия.

Тайно от бабушки и мамы пошла я к председательнице псковского кружка любителей драматического искусства, просила у нее совета и помощи. Она снабдила меня пьесами. По-видимому, она решила впоследствии завербовать меня в состав актеров-любителей. Я не поняла ее замысла и с восторгом благодарила за помощь. Тайком, по ночам, я переписывала роли и учила их на память. Вскоре я поняла, что это все не то, что надо найти другие пути, чтобы стать актрисой. Случай помог. В одну из поездок в Петербург я увидела на сцене Александрийского театра В. Ф. Комиссаржевскую и со всей страстью юности поверила ей не только как актрисе, но и как человеку: она, и никто другой, поможет мне стать актрисой. Она будет моей путеводной звездой – решила я, и не ошиблась.

Вера Федоровна Комиссаржевская! С этим именем для меня соединяется понятие самого прекрасного в жизни, самого ценного в искусстве. И теперь, почти через 50 лет после того, как я узнала Веру Федоровну, она как живая передо мной. Я слышу порою ее изумительный голос, вижу ее движения, а некоторые ее роли помню так ясно, как будто вчера я была в театре, где она играла. О Вере Федоровне хочется говорить много – и о ее необыкновенном, волнующем даровании, и о ее беспокойной, вечно мятущейся, ищущей душе, и о ее человеческих качествах…

Я узнала Веру Федоровну еще гимназисткой псковской гимназии, во время каникул, когда я приезжала в Петербург с матерью. Моя мать была страстная любительница театра. Она простаивала длинные очереди у билетных касс, и почти каждый вечер мы проводили в Мариинской опере или Александрийском театре.

В один из таких вечеров – это было весной 1896 года – мы смотрели «Бой бабочек» Г. Зудермана с новой для Петербурга актрисой Комиссаржевской. Я увидела впервые Веру Федоровну на сцене.

Я была потрясена и очарована ее игрой, я поняла, какая власть над людьми дана актеру. Женские скорби и женские радости я видела и раньше в изумительной, мастерской игре Савиной, но человеческие чувства передо мной впервые раскрыла Комиссаржевская.

Я вернулась в Псков к моим школьным занятиям и была как одержимая – все мои мысли были о театре. Я бредила им, запустила уроки. Но как попасть в театр? Что я должна сделать, чтобы стать актрисой?

На эти вопросы я не находила ответа. Я была как впотьмах. И единственное, что меня поддерживало, – это мысль, что решить эти вопросы мне поможет сама Вера Федоровна. Только она одна может указать мне правильный путь, она одна даст мне совет и помощь.

Я решила написать ей письмо по адресу Александрийского театра. И я написала ей восторженное письмо по поводу спектакля «Бой бабочек» и умоляла ее помочь мне стать актрисой. Я верила, я знала, что она мне ответит. И она мне ответила чудесным письмом, которое, к

сожалению, не сохранилось, как и несколько других ее писем. Но я хорошо помню его содержание. Вера Федоровна писала, что с удовольствием отвечает мне. Она предупреждала меня, что служение искусству – дело трудное и требует всех сил человека. А так как всего в письме не расскажешь, то она приглашала к себе, чтобы поговорить, и обещала помочь всем, чем сможет.

Не помню, каким образом мать и бабушка узнали о моей переписке с Верой Федоровной. В доме поднялось что-то невообразимое. По их понятиям, великое несчастье обрушилось на наш дом. На меня смотрели, как на человека, замышлявшего величайшее злодеяние. Начались семейные советы: как спасти погибающую? Они решили написать Вере Федоровне и умолять ее удержать меня от «падения». Как я потом узнала, она на это письмо им ничего не ответила. Я продолжала тосковать по театру, и в конце концов моя мать сдалась и пообещала сама отвезти меня в Петербург для разговора с Верой Федоровной.

И вот мы в Петербурге, в квартире Комиссаржевской, на Екатерининском канале. Она больна, никого не принимает, но узнав, что мы специально приехали из Пскова для свидания с ней, просит нас зайти. Вера Федоровна на тахте, бледная, с черными кругами вокруг глаз.

Посередине комнаты – письменный стол. Я подумала: «Вот здесь она учит свои чудесные роли, здесь она написала мне письмо».

Вера Федоровна любезно предложила нам сесть. Я не могла говорить от волнения и не отрываясь смотрела на нее. Мать моя начала говорить о жизни актрисы, о театральных интригах, о распущенности, которая царит за кулисами театра, и о своих страхах за меня. Вера Федоровна слушала и ласково, сочувственно смотрела на меня своими провидящими глазами. Ее глаза мне говорили: «Не бойся ничего, я все сделаю, я помогу, я знаю, как тебе трудно…»

Выслушав мою мать, Вера Федоровна начала очень оживленно, даже, мне показалось, взволнованно говорить о том, как неосновательны страхи моей матери, что в театре много семейных, что распущенности среди актеров не больше, чем среди других. Потом заговорила о себе, о своих ролях, о работе над новой ролью – Нины Заречной в «Чайке» Чехова. Рассказала, как Чехов сначала хотел, чтобы Нину Заречную играла Савина, но Савина отказалась, и роль передали Вере Федоровне. Одну из репетиций Чехов смотрел. После репетиции он говорил за кулисами: «Так вот же Нина, она, и никто больше, а я и не знал, что у вас есть актриса для роли Нины».

Почувствовав, что она отвлеклась и еще ничего не сказала о том главном, для чего я приехала, Вера Федоровна обратилась ко мне: «Ну, что мне с вами делать, – вы хотите учиться, чтобы стать актрисой, но я не могу вас этому учить, не умею. Я сама играю, как бог на душу положит, но если вы твердо решили, я направлю вас к одному нашему актеру, а потом поступите в драматическое училище. Кончайте гимназию и будущей осенью приезжайте». При этом она ободряюще посмотрела на меня. Ее взгляд всегда больше говорил, чем ее слова.

Наш визит был окончен, но моя мать хотела еще поговорить с Верой Федоровной наедине и выслала меня в другую комнату. Как я потом узнала, мать спросила Веру Федоровну, почему она не исполнила ее просьбу и не постаралась отговорить меня поступить на сцену. Вера Федоровна ответила, что письма она не получила, а отговаривать меня от поступления на сцену она не находит нужным. Я ушла от Веры Федоровны осчастливленная и укрепившаяся в своем стремлении идти на сцену.

Через несколько дней шла в Александринке первый раз «Чайка» в бенефис Е. Левкеевой. С величайшим трудом моя мать достала ложу 3-го яруса. Весь день я волновалась, ожидая вечера: ведь это та чайка, та роль, о которой с таким восторгом говорила Вера Федоровна. Наступил вечер, театр переполнен. Шумно, нарядно, жарко.

После 1-го действия, когда под шиканье подняли занавес, раздался дружный свист. Вера Федоровна стояла, низко опустив голову. Я тогда еще, по молодости, плохо разбиралась и в пьесе, и в исполнении, но пьеса волновала. Мягко играл Сорина В. Н. Давыдов, на полутонах,

уходящего из жизни 60-летнего больного старика. Вера Федоровна в первом акте была замечательна.

Она вбегала на сцену со словами: «Я не опоздала… Конечно, я не опоздала…» Эти слова были насыщены настоящим трепетом и радостным чувством свободы от того, что вырвалась из дому. Но хохот и шиканье во время ее монолога «Люди, львы, орлы и куропатки…» и в антракте, после 1-го действия, по-видимому, так потрясли ее, что она не могла уже владеть собой. Мне показалось, что в сцене с Треплевым, когда он приносит убитую чайку и кладет у ее ног, она не инстинктивно, а как опытная, искушенная в любви женщина сознательно убивает холодом надоевшего влюбленного, устремляясь и мыслями, и желаниями к другому. Мне было жаль чудесной Нины 1-го действия, ее «чувств, похожих на нежные, изящные цветы». Это, может быть, было ошибочное, но непосредственное ощущение неискушенного зрителя.

В последнем действии Вера Федоровна была прекрасна. Измученная жизнью и любовью, Нина приходит погреться, вспомнить чудесные минуты своей юной любви к Треплеву. Вера Федоровна глубоко раскрыла образ Нины. Это было вдохновенно, захватывающе. Слова: «Теперь уж я не так… Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной… и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни».

Эти слова Комиссаржевская произносила с такой верой в свое призвание, что не оставалось сомнения – Нина Заречная в будущем станет замечательной, неповторимой актрисой. Между прочим, мне часто задавали вопрос мои знакомые: «Выйдет ли из Нины Заречной хорошая актриса?»

Я всегда отвечала: несомненно выйдет чудесная актриса. Нина – Вера Федоровна полна такой веры в свое призвание, что иначе быть не может; Нина пройдет через всю грубость жизни к вдохновенной, творческой жизни. Лишь один момент 4-го действия нарушил очарование игры Веры Федоровны, когда она схватывала простыню с тахты и заворачивалась в нее, как в плащ. Это было совершенно непонятно: сошла ли Нина с ума или она изображает актрису? Так или иначе, но прием этот был не нужен и неприятен.

Когда окончился спектакль, зрители расходились в недоумении, обманутые в своем стремлении посмеяться на бенефисе комической актрисы Левкеевой. Публика, воспитанная на пьесах Крылова, Дьяченко, Потапенко, не смогла понять и оценить глубоко идейную пьесу Чехова «Чайка».

Только теперь, пройдя длинный путь актрисы, я понимаю, какие мучения вынесли актеры, особенно Вера Федоровна. К счастью, Веру Федоровну не надломил этот спектакль. Она не утратила веры в чудесную поэзию Чехова, в новое слово, сказанное в «Чайке», не потеряла вкуса к роли и играла ее всю свою жизнь с упоением.

Вскоре после спектакля «Чайка» мы вернулись в Псков, и началась моя борьба с родными. Мать заявила, что никогда не допустит, чтобы девушка из общества пошла на сцену, бабушка патетически кричала: «Наследства лишу», что только через ее труп я пойду на сцену.

Все наследство состояло из потертой на лисьем меху шубки и старого вольтеровского кресла, а когда через несколько лет она умерла, хоронить ее было не на что…

Я плакала, доказывала, умоляла – ничего не помогало, пока не приехала из Петербурга спасительница моя, тетя Саша, которая всегда вносила бодрость, жизнерадостность в наш унылый дом. Она убедила маму и бабушку, что чем больше мне будут запрещать, тем сильнее меня будет тянуть на сцену, что три года, проведенные мною в драматической школе, не испортят меня, а охладят мой пыл, если у меня не обнаружится сценического дарования.

На семейном совете было решено отпустить меня по окончании гимназии в драматическую школу. Я ликовала и запаслась терпением.

Глава III

Первый год в Петербурге. Драматическая школа Поллак. Неудачные поиски заработка. Общение с Верой Федоровной Комиссаржевской

На следующий год я уже жила в Петербурге у тети Жени. Мать и бабушка не разрешили мне поселиться у тети Саши, боясь ее влияния на меня. Другая тетка – добрейшее, чудаковатое существо, старая дева, получавшая 50 рублей пенсии после смерти своего отца – генерала. Она занимала скромную квартиру в пятом этаже на Сергиевской улице. Всю свою жизнь она посвятила благотворительности, состояла членом так называемого Сергиевского братства: ездила в глухие углы Петербурга, где ютилась беднота, раздавала бедным талончики в столовую. Это была ее служба, дело ее жизни, ее радость.

Жила она бедно, рассчитывая каждую копейку. Квартира ее состояла из пяти комнат, две из них она занимала сама, а три сдавала за гроши только знакомым. Одну комнату занимала престарелая баронесса, другую – какая-то старая дева. С точки зрения моих родных, такое окружение было самым благотворным для меня, а главное, они воображали, что таким образом парализовалось тлетворное влияние тети Саши и театра. Как они ошиблись!

Тетя Женя ни в чем меня не стесняла. Занятая своими благотворительными делами, она мало обращала на меня внимания, и я, к моему счастью, была предоставлена себе. Еще одно мероприятие моих родных провалилось: надеясь вернуть заблудшую дочь в лоно семьи, решили взять меня измором, назначив только 20 рублей ежемесячного пособия. Из них 6 рублей я платила тете Жене за диван в гостиной, где я спала, и 10 рублей ей же за обед. У меня оставалось 4 рубля на все остальное необходимое и на все радости жизни. Я очень уставала, не имея возможности ездить даже на конке, но энергия не убывала, а страстное желание стать актрисой удваивало эту энергию. И я решила искать заработка.

В «Новом времени», в отделе объявлений, я прочла два очень заманчивых предложения. По первому объявлению в начальную школу требовалась преподавательница. И вот я, захватив свой аттестат об окончании псковской гимназии, отправилась по адресу. У подъезда дома, где помещалась школа, я нажала кнопку звонка, в ту же минуту дверь распахнулась и какая-то женщина в щель открывшейся двери крикнула: «Наняли, наняли, не нужно…» И дверь захлопнулась.

Вторая моя попытка найти работу была еще менее удачной. Объявление «Нового времени» гласило: «Пожилой, почтенный господин ищет молоденькую лектрису, знающую русский и французский языки. Просьба сообщить письменно на французском языке возраст, описать наружность и т. д.». Я решила: не удалось стать учительницей – буду лектрисой. И тут же засела за составление письма на французском языке. Но так как была не особенно сильна во французской орфографии, я, дождавшись прихода тети Жени «со службы», попросила ее поправить ошибки в письме. Тетя Женя с удовольствием согласилась и, надев очки, принялась за письмо, но с первых же строчек лицо ее вытянулось. Вытаращив глаза, она уставилась на меня: «Кому это ты пишешь?» Кому? Я объяснила, что вычитала в «Новом времени» объявление о лектрисе. Тетя Женя разорвала письмо и запретила мне раз и навсегда отвечать на подобные требования. Я была очень удивлена, но обещала не искать больше работы по объявлениям. Так окончились мои попытки найти заработок.

Тетя Женя жила чрезвычайно замкнуто. Никто почти не бывал у нее, кроме одного старого генерала, который приходил каждую среду к нам обедать. Громадного роста, он мне

казался великаном в наших маленьких комнатах с низкими потолками. Здороваясь со мной, он каждый раз говорил: «Бонжур, мадемуазель Ристори, или вы будете Рашель?»

Единственный день в году, когда тетя Женя делала большой прием, – это 24 декабря, день ее именин. Задолго до этой даты начинались приготовления, вынималось серебро, хрусталь, закупались продукты. Сколько волнений было, и как доставалось кухарке Дуняше. Дуняша была такая же старая, как тетя Женя, вечно ворчала, ссорилась с тетей. Дуняша жила у тети Жени много лет, до самой тетиной смерти. Она не была, что называется, преданной прислугой, обкрадывала, обманывала старуху. Тетя это видела, но не могла с ней расстаться. Не знаю почему, но Дуняша, это корыстное существо, меня любила и как-то по-деревенски «жалела».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.